

НЕЗАВИСИМОЕ
МНЕНИЕ

Чуть больше года назад Николай Николаевич ТИМАШОВ возглавлял комбинатскую службу ОТ и ТБ. Сегодня он работает заместителем начальника цеха подготовки производства, и его мнение о причинах и следствиях высокого уровня травматизма на комбинате сегодня – это мнение независимого специалиста.

— Николай Николаевич, я работаю на комбинате почти двадцать лет, но по-прежнему вступаю на производственную площадку с каким-то внутренним страхом. Как вы оцениваете такое мое отношение к нашему грозному предприятию? Это плохо?

— Это нормально. Если бы все было иначе, как вы, травматизма на производстве было бы меньше. Когда я еще работал в ОТ и ТБ, я выписывал для себя из умных книг много интересного. Конечно, эти сведения еще 95-го года, но в принципе, думаю, статистика мало изменилась и сегодня. Так вот: смертельный травматизм на 1000 работающих в России в восемь раз превышает подобные показатели Англии, и в семь раз — Японии. Ежегодно в России травмируется 300-400 тысяч человек, из них около семи тысяч погибают, а 12-13 тысяч остаются инвалидами на всю жизнь. Сейчас инвалидов стало еще больше.

По уровню производственного травматизма самые неутешительные показатели в угольной промышленности — 17,8 случая на 10 тысяч работающих. А следом — кто бы мог подумать! — легкая промышленность, где 10,7 случая. И только на 6-м месте — металлургия, 5,4 случая на 10 тысяч человек.

Так вот насчет боязни: металлургия — трудная работа. Сложные, громоздкие, к тому же зачастую устаревшие механизмы. Рядом с ними нужно всегда помнить об осторожности, лучше бояться, чем быть безрассудно и безответственно смелым.

— Охрана труда и техника безопасности в прежние годы были постоянными темами газетных публикаций. Сейчас мы говорим о чем угодно, только не о них. Вы считаете это правильным?

— Другие сейчас приоритеты. Все делают деньги, все бросились в бизнес, в политику. Об охране труда сейчас не думают в масштабах государства. В Челябинске есть научно-исследовательский институт ТБчермет. Государственное учреждение, между прочим, а за последние три года на его счет от государства не поступало ни одного рубля. А ведь охрана труда и техника безопасности — не просто наука, это целая философия. Вы знаете, например, что такая причина, как разрыв между человеком и техникой, обуславливает 70 процентов несчастных случаев? А ученые выделяют восемь основных причин травматизма.

Первая — опасность техники растет быстрее, чем человек учится ей противодействовать.

Вторая — снижение интенсивности самообучения — это при том, что сейчас при первоначальном обучении в человека закладывается намного меньше знаний, чем в прежние времена, меньше стали заниматься и самообучением.

ПРОФЕССИЯ, ВРЕДНАЯ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

Третья причина — отсутствие боязни или иллюзия безнаказанности. Она имеет две стороны: одна — «я все знаю и со мной этого не случится»; другая — безответственность контролирующего.

Четвертая — адаптация человека к технике. Я лично считаю, что человек с техникой всегда должен оставаться на «вы».

Пятая причина — одна из основных. Я называю ее «синдром иждивенчества». Мы так воспитали нашего работника: он считает, что о нем, о его жизни и здоровье постоянно кто-то обязан заботиться: руководитель, директор, профсоюз, государственные органы надзора. Все, кто угодно, но только не он сам. А он как бы освобождает себя от осторожности и сам себе ничего не должен.

— Но ведь руководитель — это организатор производства. Он и в самом деле должен обеспечивать, контролировать и отвечать за безопасный труд подчиненных ему людей.

— Разве я говорю иное? Конечно, руководитель и обязан, и должен. Но вовсе не обязательно во всем виноват. Если руководитель обучил рабочего безопасным приемам труда, проинструктировал, обеспечил спецодеждой и защитными средствами, а рабочий по невнимательности или собственной неосторожности нарушил правила безопасности и травмировался, при чем здесь мастер или начальник цеха? Не может ведь мастер всю смену стоять за спиной каждого конкретного исполнителя как вечный шеф-наставник! Мы идем к капитализму, а в вопросах охраны труда остаемся далеко в прошлом. Однако, если мы хотим жить как в цивилизованных странах, надо в корне менять отношение и к этой проблеме. Давайте представим, что произошло самое плохое — человек травмировался. Расследование всех причин случившегося только началось, но уже изначально есть мнение — руководитель виноват, не доглядел. И этим все чаще начинают пользоваться и спускают ответственность по инстанциям вниз: раз меня наказали, то и я накажу тебя — ищем козла отпущения...

Вот два информационных письма по комбинату. Это просто к разговору. Вот смотрите: случай с бетонщиком СМУ «Промстрой» Мурзакоем В. И. 20 декабря прошлого года. Человеку 52 года, в СМУ работает с 63-го года, опыта не занимать. А выполнял обычную работу: армировали фундамент упора железнодорожного тупика в отделении приема литых слитков ККЦ. Упор был установлен на бетонную площадку, но плохо закреплен. Во время работы он сдвинулся с места, скатывался на Мурзакоев и убил его. А ведь рядом работали еще двое, но, наверное, по сторонам больше смотрели, поэтому и отскочить успели...

Сейчас даже в законе об охране труда написано: если человек отказывается выполнять работу, считая, что она может причинить вред его жизни или здоровью, то руководитель не вправе применить к нему ни экономических, ни административных санкций.

— Значит, по вашему мнению, каждый сам отвечает за свою жизнь?

— В первую очередь человек должен заботиться о своей безопасности сам и не делать того, что ведет к возможному травмированию. Никто и ничто ему иначе не поможет.

— А как же быть с состоянием техники?

— Охрана труда и техника безопасности напрямую связаны с состоянием техники, оборудования, технологическими процессами, с объемом производства. Сейчас стало модно ориентироваться на Запад: мол, при таком же объеме производства продукция травм у них в пять-шесть раз меньше. А давайте посмотрим, какова у них при этом численность работающих. Ага — пять тысяч. А у нас — 30 тысяч. Отсюда и пропорциональный численности работающих уровень травматизма. При этом заметьте: на Западе грязной работы не любят, в большинстве своем на кнопки нажимают. У нас же, скажем, в сортопрокатном цехе регулировка некоторых механизмов невозможна без помощи кулаков...

— Но давайте вернемся к причинам травматизма. Вы назвали пять из восьми.

— Шестая причина — завышенность требований по технике безопасности. Седьмая — в связи с развитием техники и завышенными требованиями постоянно растет цена ошибки. И, наконец, восьмая — естественное старение системы «человек — машина». Это старение в стране продолжается, инвестиций нет.

— Что же, на ваш взгляд, нужно сегодня делать?

— Необходимо убрать хотя бы часть этих причин. Например, заняться первоначальным профессиональным обучением. Ведь похоронили эту систему в стране. Только комбинат и удерживает два своих лица — 13-й и 41-й.

Следующее — мы потеряли моральные стимулы, перестали поощрять за хорошую организацию работы по охране труда. Это, я считаю, прямая обязанность профсоюза — моральное и материальное поощрение безопасной работы. Не только кнут должен свистеть над головой руководителей и рабочих, но и пряник должен быть. Конечно, очень важно приведение техники и технологии к современным требованиям.

В 92-м общий травматизм на комбинате составил 221 случай, а в 98-м — 86... Значит, люди в отделе ОТ и ТБ работают. Нужно им помогать, а не наказывать.

Охрана труда — противная, нудная, вредная для здоровья работа, но необходимая.

СИТУАЦИЯ

УШЛА НА РАБОТУ И НЕ ВЕРНУЛАСЬ...

Среди одиннадцати погибших на рабочем месте в прошлом году были две женщины: Ольга Гурькина и Людмила Ефанова. Гурькина — машинист конвейера РОФ, Ефанова — машинист мостового крана сортопрокатного цеха. В двух этих трагедиях много общего, и дело не только в том, что обе погибшие — женщины. Обе работали в ночную смену, обе имеют приличный трудовой стаж, обе нарушили элементарные правила техники безопасности.

Конечно, металлургия — дело сугубо мужское. Нелегко на производственной площадке представить лицам слабого пола. Однако такова уж наша российская жизнь: женщины устраиваются работать туда, где больше платят, где гарантирована надежная социальная защита. И запретить им это невозможно.

По обоим случаям специалисты провели тщательное, квалифицированное расследование, сделали соответствующие выводы и приняли решения. Оспаривать их не собираюсь. Но вот какой вывод сделала я, внимательно прочитав материалы этих расследований. По большому счету, Ольгу Гурькину по состоянию здоровья нельзя было допускать к исполнению работы на движущихся с большой скоростью механизмах. Такое решение каждый раз принимала ежегодная медицинская комиссия.

Гурькину отстраняли от работы и направляли в цех «Здоровье» — из-за низкого содержания гемоглобина в крови у нее постоянно кружилась голова. Но спустя некоторое время та же комиссия разрешила машинисту вновь возвращаться на конвейер. Почему разрешила, сейчас уже не узнать. Может, мать двоих несовершеннолетних детей Гурькина просто уговаривала медиков, рассчитывала на их жалость — ведь различие между зарплатой машиниста конвейера и швеи цеха «Здоровье» велико, а жизнь нынче очень дорогая, трудная. Гурькина выпрашивалась на работу, не подходящую ей по состоянию здоровья, во имя детей и потому... ее девочки теперь остались сиротами. Какая жестокая судьба!

Людмиле Ефановой до пенсии оставалось два с половиной года. Всегда дисциплинированная, аккуратная работница, прекрасно знающая свое дело, она пошла на нарушение правил техники безопасности ради этого дела: кран ее вышел из строя, и чтобы не задерживать производство, пока его ремонтируют, она решила ввести в работу другой кран. Но, по всей видимости, большой опыт иногда чреват потерей чувства самосохранения: чтобы сократить расстояние, Ефанова пошла к другому крану по опасной зоне, так сказать, «по проезжей части» цехового пролета. И — погибла...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СРОЧНО НУЖЕН «ГРОМООТВОД»

В минувшие выходные перелистала подшивку «ММ» за десять последних лет. И с сожалением констатировала, что все это время мы обращались к вопросам охраны труда непросто редко — как правило, уже в случаях, когда назрела чрезвычайная ситуация по производственному травматизму.

Наверное, дело не только в невнимании газетчиков к этой теме, но и в отношении к этим проблемам на комбинате, и в нашем национальном русском характере. Не зря ж сам народ говорит о себе: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Так вот и живем в расслабленном состоянии от грома до грома...

Александр Георгиевич Захаров, один из самых опытных инженеров отдела охраны труда, показал мне интересную таблицу. В ней — сведения за 50 лет по общему травматизму на комбинате, указано количество тяжелых и смертельных травм по годам. Даже при беглом взгляде очевидно: медленно, но неуклонно снижается общее количество пострадавших на производстве, а вот число тяжелых травм и смертей то сокращается, то вновь растет. Наивысший уровень общего травматизма отмечен в 1951 году — 2398 человек. За полвека отметки в 2000 случаев мы «достигали» пять лет: с 51-го по 54-й и в 1957 году. После 64-го общий уровень

травматизма ни разу не превысил 800 случаев, а в последние десять лет — до 100 случаев в год. Больше всего тяжелых случаев травматизма было в 1957 году — 41, но после 1975-го их число колебалось в пределах 10-16.

Если в ситуации с общим и тяжелым травматизмом можно выявить какую-то причинно-следственную связь: большой объем производства металла, напряженный ритм работы, постепенное повышение уровня жизни трудящихся и проч., то в сравнительной статистике смертей никакой логики не усматривается. Самое большое количество погибших дали 1951—1953 годы: соответственно 28, 22 и 29. В последующие годы эта трагическая цифра ни разу не достигла отметки «20», но очень трудно объяснить, почему при прочих равных условиях, например, в 1962 году смертельных случаев было 4, а в 61-м и 63-м соответственно 14 и 12? Такой же перепад наблюдался в 1965-1967 — 11-9-12, в 1982-1985 — 11-5-6-10, в 1996-1998 — 11-4-11. Одиннадцать смертельных травм случилось на комбинате и в прошлом году.

Проще всего, увидев неутешительные показатели по травматизму, сделать вывод о неудовлетворительной работе службы охраны труда и техники безопасности и принять какие-то административные или дисциплинарные меры. Много ли от этого пользы? Если уж искренне заботиться об организации безопасного труда на предприятии, о сохранении жизни и здоровья людей, в конечном счете, об имидже коллектива, который стремится к мировым стандартам во всем, то и подходить к решению этой сложной задачи надо по-иному. Так, как это делают, например, японцы. Директор института ГУП НИИТБчермет Б. Г. Пластинин оставил таблицу, отражающую систему работы на японском

предприятии по аварии на прессе со смертельным исходом. Так вот, японцы только на выяснение причин несчастного случая отводят 1500 инженерных часов (при пересчете на восьмичасовой рабочий день это означает, что бригада из 15 человек работает две недели). Затем 1000 инженерных часов расходуется на разработку программы работ по ликвидации причин несчастного случая. Потом следуют 10 тысяч часов обучения рабочих усовершенствованным методам работы. Завершается работа трехмесячным контролем руководителей за применением новых методов. Не потому ли Япония числится среди стран с самым низким уровнем травматизма на производстве?

Скажете: ну, это у них, у нас для этого нет ни условий, ни средств. Но ведь мы хотим жить не хуже, чем японцы или американцы. Мы хотим быть уважаемыми в мире как цивилизованное, современное предприятие. Но кто же станет уважать нас, если мы сами так плохо к себе относимся?

Сегодняшний разворот — лишь начало серьезного разговора о том, как нам жить и работать дальше, что сделать, чтобы, отработав смену, металлурги возвращались в свои семьи живыми и здоровыми. Мы надеемся, что читатели газеты примут участие в обсуждении этой проблемы. В свою очередь мы обратимся к специалистам в области охраны труда и предоставим им слово на наших страницах. Как знать, может, совместными усилиями мы и построим некий «громоотвод» производственным трагедиям.

